

УДК 93

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-34-43

Инна Николаевна Мамкина,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: inna-mamkina@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>*

Формы правовых узаконений в Российской империи

Статья посвящена комплексному исследованию форм правовых узаконений в Российской империи. Прослеживается идея о том, что осмысление исторического события или явления неразрывно связано с пониманием социально-политических процессов, отражённых в праве. Соответственно понимание имперской системы права, осмысление особенностей и процессов формирования её правовых узаконений – основа исторических исследований периода Российской империи. Целью данной работы является обобщение и сравнительный анализ форм правовых узаконений, действующих в период XVIII – начала XX в. на территории Российской империи и её окраинах. Методологической основой работы является совокупность историко-правовых методов, используемых при изучении государственно-правовых явлений. В исследовании применялись сравнительно-исторический метод, метод терминологического анализа, метод сравнительного правоведения. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке юриспруденции и исторической науки. В результате исследования установлено многообразие форм закрепления узаконений в российском праве, которые сложно поддаются классификации. Отмечено, что классификация и иерархия российского законодательства зависели от степени участия монарха в законотворческом процессе. Автор обращает внимание на то, что действие узаконений в пространстве и по кругу лиц имеет особенности, которые наиболее ярко проявляются по отношению к Сибири. При анализе содержания ряда уставов, положений нередко встречаются специальные нормы или исключения относительно действия данного акта на окраине империи. Вопросы организации власти на национальных окраинах империи регулировались специальными актами. Автор приходит к выводу, что, несмотря на многообразие законодательных форм, воля императора оставалась надзаконной, и правотворческий механизм предусматривал формы её юридического закрепления. Безусловно, с юридической точки зрения подобные акты ослабляли силу и верховенство закона, с другой стороны они ускоряли принятие отдельных решений.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, система права, источники права, форма права, законодательство, самодержавие

Inna N. Mamkina,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: inna-mamkina@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>*

Forms of Legitimization in the Russian Empire

The article is devoted to a comprehensive study of the legitimization forms in the Russian Empire. It also presents the idea of inextricable connection between the understanding of a historical event or phenomenon and the socio-political processes reflected in law. Therefore, the understanding of the Imperial law system, the insight into the peculiarities and processes of its legitimization formation is the basis of historical studies of the Russian Empire period. The purpose of this paper is to summarize and to give the comparative analysis of the legitimization forms existing on the territory of the Russian Empire and its outskirts in the period of the 18th – early 20th centuries. The methodological basis of the study is a set of historical and legal methods used in the state-legal phenomena study. The study uses the comparative-historical, terminological analysis and comparative law methods. The paper is interdisciplinary, it is written at the intersection of jurisprudence and historical science. The study found a variety of legitimization forms enshrined in Russian Law, which are difficult to classify. It was noted that the classification and hierarchy of Russian Legislation depended on the extent of the monarch's involvement in the legislative process. The author draws attention to the fact that the legitimization within the spatial and personal scope has some features that are most pronounced toward Siberia. When analyzing the content of a number of Charters and Provisions, specific standards or exemptions regarding this act enactment on the Empire outskirts are often found. The organization of power on the national Empire outskirts was regulated by special acts. The author concludes that despite the variety of legislative forms the Emperor's will remained above the law and the law-making mechanism provided for its legal confirmation forms. Indeed,

© Мамкина И. Н., 2021

from a legal standpoint, such acts weakened the strong arm and the rule of the law, on the other hand, they speed up some decision-making processes.

Keywords: the Russian Empire, Siberia, System of Law, sources of Law, form of Law, legislation, autocracy

Введение. Осмысление любого исторического события или явления неразрывно связано с осмыслением социально-политических процессов, отражающихся в праве. Правовые памятники являются основой, каркасом любой исторической эпохи. В них зафиксирован уровень духовного, культурного, политического, социального, экономического развития общества. Интерес к отечественной истории обусловил интерес и к её правовому наследию, особенно в имперский период. Становление и развитие российской правовой системы тесно связаны с источниками права, пониманием его сущности. В дореволюционной России сущность права определяло высочайшее утверждение. Юридическое значение источников права зависело от политической воли монарха. Соответственно понимание имперской системы права, уяснение особенностей и процессов формирования её правовых узаконений считается основой исторических исследований периода Российской империи.

Целью данной работы является обобщение и сравнительный анализ форм правовых узаконений, действующих в период XVIII – начала XX в. на территории Российской империи и её окраинах.

Методология и методы исследования. В основе определения и изучения форм правовых узаконений находятся положения юридического позитивизма, признающего в качестве правовых норм только нормы позитивного права. В данном случае положение позитивизма, отождествляющее волю монарха с законодательством, – основополагающий принцип исследования. Методологической основой исследования является совокупность историко-правовых методов, используемых при изучении государственно-правовых явлений. Сравнительно-исторический метод способствовал определению исторической обстановки в которой зарождалась система российского права. Определению исходных понятий способствовал метод терминологического анализа. Метод сравнительного правоведения использовался при определении общих и особенных черт нормативно-правовых актов.

Результаты исследования и их обсуждение. История развития российской

правовой системы является предметом исследования как историков, так и юристов. В дореволюционную эпоху изучением истории и теории права занимались российские учёные-правоведы, практики. Первую попытку осмысления и систематизации права предпринял М. М. Сперанский [1–3]. Значимость работ Сперанского сложно переоценить. По сути, автор сформулировал и реализовал на практике концепцию систематизации российского законодательства. К проблеме осмысления источников российского права обращались выдающиеся исследователи права – профессор А. Д. Градовский, юристы Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич [4–6]. Авторы на фоне общих правовых исследований анализировали формы закрепления права в российском законодательстве. В советский период изучение имперского законодательства и теории российского права на некоторое время утратило свою актуальность.

С изменением политической ситуации и формированием российской правовой системы, основанной на демократических принципах права, актуализировался интерес к истории права, усиливающийся с каждым годом. Вопросам кодификации российского права посвящены труды известного ученого, доктора юридических наук В. А. Томсинова [7; 8]. Обзорные публикации автора представляют подробно изложенную историю кодификации первой половины XIX в. Екатеринбургский учёный, доктор юридических наук, профессор С. В. Кодан рассматривал вопросы становления системы законодательства Российской империи в XIX – начале XX в. [9–11]. Многие его обобщающие публикации посвящены генезису системы российского законодательства.

Проблеме понимания закона в дореволюционной России посвящена работа Е. А. Юртаевой [12]. По мнению автора, в России идея закона «...традиционно ассоциировалась с персоной главы государства, а не с юридическими нормами» [Там же, с. 96]. Н. Н. Ефремова исследовала формы российского права с XVIII в. до полной систематизации законодательства [13]. Автор обращает внимание на равную юридическую силу всех актов, установленных сувереном, что является пробле-

мой классификации документов по юридической силе. С привлечением богатого фактического материала проведён анализ форм права Российской империи в работах Т. Ю. Верховланцевой [14]. Автор подробно охарактеризовала отдельные формы законодательных актов Российской империи.

Предметом научного интереса исследователей остаются отдельные формы закрепления права. Авторами тщательно проанализированы уставы, манифесты, указы и другие формы закрепления законодательства, действовавшие в дореволюционный период [15–19].

Таким образом, современные исследования по истории российского права уделяют значительное внимание проблеме классификации источников права. Авторы на основе формально-юридического подхода отмечают особенность правотворчества и реализации российского законодательства в условиях самодержавной монархии, особую роль монарха в формировании национальной системы права.

Вместе с тем в исследовании истории права немаловажное значение имеют исторические особенности региона. Важную роль играет социальный, конфессиональный, этнический состав населения. Отметим, что при характеристике документов исследователи нередко упускают действие нормативного акта в пространстве. Многие узаконения Российской империи распространяли своё действие только на центральную Россию, либо земские губернии. Вопросы организации власти на национальных окраинах империи регулировались специальными актами. При анализе содержания ряда уставов, положений нередко встречаются специальные нормы или исключения относительно действия данного акта на окраине империи. Следовательно, необходимо обратить внимание на формы и содержание правовых узаконений, действующих на окраине Российской империи, определить их юридическую силу и значение.

Процесс формирования системы российского законодательства имеет длительный период. В разные исторические периоды система права дополнялась новыми формами закрепления законодательства. Ряд из них был тождественен старым формам, некоторые привносили в систему образцы европейского права. К началу XIX в. российское законодательство нуждалось в систематизации и классификации многообразных нормативных актов.

Форма уложения в законотворчестве до определённого времени носила основополагающий характер. Уложение представляло собой результат систематизации и переработки законодательного материала в форме совокупности нормативно-правовых актов законодательного значения. М. М. Сперанский отводил уложению роль отраслевого кодифицированного акта. Отметим, что для уложения характерен значительный объём правового содержания. Долгое время в российской юридической практике основным законодательным актом оставалось Соборное уложение 1649 г., регулировавшее широкий спектр общественных отношений. Со временем сфера действия уложений сужается, контролирует определённую сферу общественных отношений (например, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», 1845; «Уголовное уложение», 1903). В отечественном законотворчестве уложения действовали на протяжении всего имперского периода.

С начала XVIII в. законодательство приобретает более выраженные чёткие формы. В юридической технике формируются определённые правила, основанные на специальной юридической терминологии, абстрактном изложении норм. Ещё довольно сложно провести классификацию законодательных актов, но уже в то время сформировались наиболее устойчивые формы, которые широко применялись в правотворчестве. На фоне сохранения традиционных указов, уставов, грамот, наказов получают применение формы иностранных заимствований – манифесты, инструкции, регламенты и т. д. Особенно это стало заметно в период петровских преобразований.

В начале XIX в. основными источниками права в Российской империи признавали закон и правовой обычай. Правовой обычай не составлял единой правовой системы в рамках государства, закрепляя партикулярность местного права. Население окраин Российской империи использовало правовые обычаи в качестве социального регулятора в области гражданско-правовых отношений, в сфере уголовно-правового регулирования дел с незначительным ущербом. Казаки и оседлые инородцы руководствовались обычаями при выборе представителей в некоторые государственные комиссии либо местные органы власти. В подобных случаях обычные нормы наделялись законодательной силой.

В качестве закона выступали воля или указ правителя. Закон как источник права

известен в юридической практике с X в. Как правило, под законом понимали разнообразные формы закрепления права, исходящие от верховной власти. В современном значении понятие закона начало формироваться в начале XIX в. В 1810 г. в манифесте «Об образовании Государственного совета» закон впервые упоминается в значении «верховного» правового акта. В 1832 г. в Своде законов публикуются основные государственные законы, закреплявшие, в том числе, формы законодательства. Параграф «О формах законов и хранении их» в качестве форм законодательства указывал на уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, указы, мнения Государственного совета и доклады, удостоенные высочайшего утверждения¹. Закону придаётся значение «верховного» правового акта. Однако на протяжении XIX в. значения закона и указа существенно не различались. Оба документа подписывались царём, что придавало указу законодательную силу и приравнивало его к закону.

Закон как самостоятельная форма законодательства появился в юридической практике в начале XX в., с учреждением Государственной думы как законодательного органа. Законом назывался законодательный акт, принятый в Государственной думе, одобренный в Государственном совете, подписанный императором и опубликованный в официальной печати. Е. Н. Трубецкой отмечал, что отменить закон может только принявшая его власть, а не какой-нибудь высший над властью авторитет. Условно законы распределялись на основные и обычные. Законы, определявшие государственное устройство Российской империи, назывались основными, законы, регулирующие различные сферы общественных отношений, считались обычными законами. Революция 1905 г. внесла свои коррективы в государственное устройство, и в 1906 г. были изданы обновлённые основные законы, с закреплением новых органов власти и их полномочий.

Вместе с тем закон как особая форма юридического акта высшей юридической силы в российской правовой системе не получил должного признания и действовал наравне с указами. В дореволюционном правоведении превалировала точка зре-

ния, что разграничение понятий закона и указа возможно только при самостоятельности и независимости законодательной и исполнительной власти. В условиях самодержавной монархии закон и указ останутся равнозначными [20; 21]. Как следствие, подобная ситуация сохранялась на протяжении всего имперского периода.

Установленную процедуру законотворчества нарушали акты, исходящие от военного, морского ведомства, акты, регулирующие церковные дела, вопросы освоения Кавказа и Сибири. В частности, Комитет по строительству Сибирской железной дороги наделялся правом принятия нормативных актов, имеющим силу закона. Вопросы национальной безопасности решались и оформлялись надзаконным порядком, опираясь на волю монарха. Таким образом, очевидно определённое изъятие ряда аспектов из общей правотворческой процедуры.

Наиболее распространённой формой надзаконного правотворчества выступал указ. В толковом словаре В. И. Даля понятие «указ» трактуется как «письменное приказание, повеление государя». М. М. Сперанский называл указами законы, действующие в особенной части управления для установления организационно-правового порядка.

Указы относились к наиболее распространённой форме законодательства, получившей распространение в период правления Иоанна IV. Отдельные указы регулировали общегосударственные вопросы, некоторые издавались по случайному поводу, имея узкую сферу применения. Значение этого нормативного акта возросло в период правления Петра I. Указы исходили от императора и от Сената. Известны «именные Высочайшие указы правительствующему сенату» и «сенатские, по высочайшему повелению указы».

В начале XIX в. указы сохранялись в именной форме и издавались монархом. Указы издавались и подписывались в случаях, когда император поддерживал позицию меньшинства Государственного совета или высказывал свою точку зрения. Объявляемые указы готовились Сенатом от имени монарха, регулировали чётко определённые вопросы и направлялись конкретным учреждениям или должностным лицам.

В начале XX в. подзаконность указа была закреплена в основных государ-

¹ Свод законов Российской империи (СЗРИ). Основные законы Российской империи. — Т. 1. — Ч. 1. — Гл. 8. — Ст. 53.

ственных законах Российской империи. В 1906 г. основные законы закрепили порядок утверждения законов. Законом признавался акт, прошедший сложную процедуру принятия и согласования. «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора»¹. Закон выступал основным источником права, следовательно, указ становился второстепенным источником права. В практике акценты смещались в сторону указа.

В период перерыва деятельности Государственной думы процедура принятия закона менялась. Совет министров имел право разработать закон и подписать его у царя, минуя Государственную думу. Такой закон получал название указа и впоследствии утверждался Государственной думой в течение двух месяцев со дня возобновления её деятельности². Принимая во внимание, что деятельность Государственной думы носила нерегулярный и зависимый от царя характер, указы стали одной из распространённых форм российского законодательства начала XX в.

Разновидностью указов являлись высочайше утверждённые императором доклады министров. Данная форма закрепления законодательства появилась в XIX в. с организацией министерств. Министры имели право личного доклада императору. Император, утверждая доклад в письменной или в устной форме, придавал ему силу закона. Вместе с докладом императору представляли заранее составленный проект указа Сенату. Нередко министры, пользуясь правом личного доклада, намеренно обходили процедуру обсуждения законодательных актов в Государственном совете, а позднее – в Государственной думе.

Манифесты считались наиболее важной формой закона, издавались в особо важных случаях. Среди лингвистов не существует однозначного мнения относительно определения и происхождения понятия «манифест». Некоторые исследователи склоняются к определению манифеста как к латинскому изречению «делать очевидным». Другие настаивают на позднелатинском варианте «призыв». С юридической точки зрения, значение понятия «манифест» – «делать очевидным» – наиболее отвечает содержанию текстов.

Большинство принятых манифестов юридически закрепляют важное государственное событие. Условно манифесты можно разделить на манифесты о наследовании власти («О кончине Государыни Императрицы Екатерины II и о вступлении на Престол Государя Императора Павла I», 1796) и манифесты, провозглашавшие начало важнейших государственных событий или преобразований («Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», 1905)³.

Вторая группа манифестов определяла общие принципы и направления реформ. Так или иначе, манифесты фиксировали, «делали очевидным» определённые события. Как правило, с манифестами дополнительно принимался ряд правовых актов, регулирующих реализацию основных положений принятого документа.

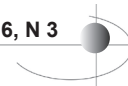
Процедура обнародования манифестов имела тождественную форму. Текст манифестов подлежал всенародному оглашению и придерживался определённого шаблона изложения. Манифест начинался словами «Мы, Божию милостью, царь...», заканчивался подписью царя, а с 1906 г. подписью председателя Государственного совета. Манифесты публиковались в официальной прессе, рассылались по церквям. Порядок рассылки определялся на законодательном уровне. Действие манифеста распространялось на всю территорию государства для всех учреждений и всего населения.

Уставы в российском праве имеют давнюю историю. В архивах хранятся уставы и уставные грамоты XI–XII вв., с XVI в. в юридическую практику вводятся уставные книги. Традиционно уставы регламентировали организационно-правовые основы деятельности отдельных органов или учреждений, их взаимодействие с различными организациями и обществом. Уставы отличаются более абстрактным изложением и возможностью их реализации в различных условиях. Особое значение имели уставные грамоты наместнического управления, закреплявшие вхождение конкретной территории в состав формирующегося Московского государства [15]. К концу XVIII в. уставы теряют значение общегосу-

¹ СЗРИ. – Т. 1. – Ч. 1. – Ст. 86.

² Там же. – Ст. 87.

³ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. – Изд. 3-е, пересм. и доп. / под ред. Н. И. Лазаревского. – СПб.: Право, 1909. – С. 150–151.

дарственного документа, сосредоточиваясь на регулировании отдельных вопросов. Разновидностью уставов становится регламент, закреплявший нормы учредительного характера для отдельных органов власти. В XIX в. уставы становятся универсальной формой закрепления организационно-правовых основ организаций и учреждений разного рода. Общегосударственное значение имели Устав о воинской повинности, Устав таможенный, Устав монетный, Устав о прямых налогах и др.

Уставы, регулирующие деятельность отдельных учреждений, нередко инкорпорировались в своды. Например, свод уставов учёных и учебных заведений опубликован в Своде законов Российской империи (т. IX и X).

В советский период уставная форма юридической документации не утратила своего значения. В данном формате приняты «Устав железнодорожного транспорта» (1922), «Устав автомобильного транспорта РСФСР» (1969). С 1991 г. уставы приобретают новое звучание. Уставные документы конца XX – начала XXI в. получили учредительное значение. По мнению Е. Е. Никитиной, О. П. Личичана между Конституциями республик и уставами субъектов Российской Федерации принципиальных различий нет [22; 23].

В целом уставы являются одной из традиционных форм закрепления законодательства в России. За длительный период времени юридическое значение уставов менялась от общегосударственного значения до регулирования деятельности отдельных учреждений. Правовой статус Сибири определялся в том числе в уставной форме. Уставы регламентировали взаимоотношения с инородцами, например «Устав об управлении инородцев» (1822).

Учреждения как форма закрепления права в XIX в. становятся новой формой законодательства, устанавливавшей основы организации и деятельности отдельных органов государственного управления. Первое учреждение было принято в период правления Екатерины II для организации нового местного управления и суда¹. При определении понятия М. М. Сперанский обращал внимание на то, что учреждениями называются те государственные законы, которые определяют образование мест

и властей, их состав, предметы и порядок делопроизводства. В отличие от уставов учреждения регулируют более широкий круг вопросов. В Своде законов Российской империи в форме учреждений закреплены положения об организации высших органов государственной власти (учреждения Государственной думы, Государственного совета, Совета министров, Комитета финансов, Правительствующего Сената, министерств и др.). Учреждения закрепляли общее управление губерниями, Царством Польским, Кавказом, Сибирью. Всего в Своде законов опубликовано порядка 15 учреждений. Обратим внимание на то, что учреждения регулируют наиболее значимые вопросы государственного строительства. Среди многообразия форм закрепления законодательства учреждения имели большее значение и использовались в исключительных случаях. Позволим себе заметить, что учреждения с современной точки зрения закрепляли конституционные основы государства.

Порядок изложения правового материала учреждения имеет сложную структуру. Текст распределён по разделам, главам, отделениям, статьям. Главы представляют собой отдельные своды правил, оформленные в виде наказов, учреждений, положений, порядков. Наиболее объёмным и сложным в техническом изложении является «Учреждение Сибирское». Текст «Учреждения» разделён на два раздела. Первый посвящён организации управления в Иркутском генерал-губернаторстве, второй – в Приамурском генерал-губернаторстве. Первый раздел содержит десять глав, второй – пять.

Главы представлены в виде учреждений. В «Учреждение Сибирское» входят «Учреждение управления Иркутского генерал-губернаторства», «Учреждение управления Якутской области», «Учреждение управления Приамурским генерал-губернаторством», «Учреждение управления Амурской областью», «Учреждение управления Приморской областью», «Учреждение управления Забайкальской областью», «Учреждение управления губерниями Тобольской и Томской», «Положение об управлении островом Сахалин». Четвёртая глава первого раздела «Об управлении сельском и в кочевьях инородцев неоседлых» изложена в виде отсылки к особому приложению законов о состояниях и «Положению об инородцах».

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 1-е. – Т. XXVII, № 20406. Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г.

В заключение «Учреждения» входят официальное и неофициальное приложения. Официальное приложение содержит текст законодательных актов, послуживших источниками для составления «Учреждения» по отдельным вопросам. Всего опубликовано десять официальных приложений. Например, приложение к ст. 340 содержит «Временное положение об управлении Сахалинской областью» и «Временное положение об управлении Камчатской областью». Неофициальное приложение включает Высочайше учреждённые законы. Например, в приложении III находим Высочайше утверждённый 21 июня 1910 г. закон «О предоставлении Приамурскому генерал-губернатору особых полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземных шпионов». Всего неофициальное приложение содержит четыре Высочайше утверждённых закона.

Положение по сравнению с другими формами законодательства имело более общий характер. Оно представляло собой комплекс правил, определявших организационно правовые основы не отдельного учреждения, а определённого типа государственных учреждений. Например, «Положение о городских училищах» (1872) определяло цели учебного заведения, источники финансирования, требования к учащимся и учителям. Нередко положение закрепляло основы управления какой-либо территорией («Положение об управлении Туркестанского края», 1886). Положения могли носить временный характер, например «Временное положение об управлении Закаспийской области» (1874). В форме положений закреплялись права и обязанности отдельных социальных групп: «Положение об инородцах» (1892), «Положение о сельском состоянии» (1876), опубликованные в Своде законов. Как правило, публикация положения была сопряжена с изданием документа более значимого характера. Положения регламентировали практическую реализацию определённого указа, закона или манифеста.

Мнения Государственного совета также считались разновидностью законодательных актов. Мнения наделялись законодательной силой, в случае если определённые положения принимались Государственным советом единогласно, или когда император поддерживал мнение большинства членов совета. Результаты обсуждения

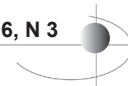
дела в одном из департаментов Государственного совета или в его Общем собрании фиксировались в журнале. В журнал заносился ход обсуждения вопроса, позиции сторон. На основе записей журнала формулировались мемории – сжатое изложение результатов содержания и суть принятого решения. Журнал и мемории утверждались императором, что в совокупности и составляло основу для публикации утверждённого мнения Государственного совета.

Оформление мнения государственно-го совета имело определённые правила. Мнение начиналось со слов «*Высочайше утверждённое мнение Государственного совета...*»; далее следовало наименование дела или решаемого вопроса, например «*Об усилении штатов судебных установлений*» и дата утверждения императором. Далее по тексту следовало «*Государственный совет по вошедшему на рассмотрение его вопросу... рассмотрев... мнением положил...*». Резолюция императора могла иметь формулировку «*быть по сему*».

Выводы. Таким образом, к началу XX в. в российской юридической практике использовали многообразные формы закрепления закона. Принципы действия имперского законодательства в пространстве и по кругу лиц имели некоторые отличия от современных требований. Необходимо отметить, что в современной юридической практике действие закона в пространстве и по кругу лиц преимущественно распространяется на все территорию государства без исключения, если в законе не оговаривается иное. В условиях многонациональной Российской империи, не окончившей процесс инкорпорации окраинных территорий в общеимперское пространство, действие узаконений в пространстве и по кругу лиц имеет свои особенности, которые наиболее ярко проявляются по отношению к Сибири. Узаконения имели определённые оговорки, за исключением документов непосредственно определяющих правовой статус Сибири и её населения. В частности, в Своде уставов о службе гражданской специально оговариваются условия обязательной службы сибирских студентов¹. В Пенсионном уставе специальными нормами регулируется начисление пенсии главным инспекторам училищ в Сибири, сибирским медикам, ветеринарам и фармацевтам². В

¹ СЗРИ. Свод уставов о службе гражданской. – Т. III. – Ст. 63, 66, 79–112, 224, 241.

² Там же. Устав о пенсиях и единовременных пособиях. – Т. III. – Ст. 352, 595, примеч. 1.

Судебном уставе официально закреплено учреждение судебных установлений в губерниях и областях Сибири¹.

Отметим, что часть узаконений в силу особенностей административно-территориального устройства империи распространяли своё действие исключительно на земские губернии. Например, реформа образования середины XIX в. в полном объёме реализовывалась лишь в земских губерниях. Все новые уставы и положения об учебных заведениях 1864, 1872 гг. предусматривали в качестве обязательных участников образовательного пространства земские органы власти. В сибирских губерниях земства не были учреждены, соответственно некоторые ключевые положения об открытии учебных заведений нового типа в Сибири не действовали. В Сибири до начала XX в. сохранялись при-

ходские училища, действовавшие по Уставу 1828 г.

Определить иерархию форм имперского законодательства довольно сложно. Руководствуясь концепцией М. М. Сперанского, отметим, что уложения занимали особое место среди остальных форм узаконений. Вместе с тем к концу XIX в. наиболее важные вопросы, затрагивающие основы государственного управления, структуру имперского пространства, оформлялись в форме учреждений.

Несмотря на многообразие законодательных форм, воля императора оставалась надзаконной, и правотворческий механизм предусматривал формы её юридического закрепления. Безусловно, с юридической точки зрения подобные акты ослабляли силу и верховенство закона, с другой стороны они ускоряли принятие отдельных решений.

Список литературы

1. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 175 с.
2. Сперанский М. М. Предисловие // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 1–31.
3. Сперанский М. М. Историческое обозрение Комиссии составления законов // Русская старина. 1876. Т. 15, № 2. С. 434–441.
4. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. 1. 436 с.
5. Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
6. Шершеневич Г. П. Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1908. 159 с.
7. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х – начале 30-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 4. С. 38–76.
8. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX в. // Вестник Московского университета. 2008. № 3. С. 14–48.
9. Кодан С. В. Становления системы законодательства Российской империи (XIX – начало XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1. С. 60–71.
10. Кодан С. В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 297–308.
11. Кодан С. В. М. М. Сперанский и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства России (1820–1830-е гг.) // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 223–233.
12. Юртаева Е. А. К пониманию закона в дореволюционной России // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 83–98.
13. Ефремова Н. Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 15–20.
14. Верхованцева Т. Ю. Формы нормативно-правовых документов Российской империи XIX – начала XX вв.: на основе анализа запросов Центра правовой информации РГБ // Румянцевские чтения: материалы междунар. науч. конф. М.: Пашков дом, 2007. С. 51–57.
15. Забелина Д. В. Устав в российском праве (исторический очерк) // Право и современные государства. 2013. № 5. С. 7–13.
16. Верстов В. В. Указы в правовой системе России: история и современность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 3. С. 11–34.
17. Сагиндыков А. Н. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе русского права: понятие и мульти-предикаты в «форме права» // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1. С. 66–74.

¹ СЗРИ. Судебный устав. – Т. XVI. – Ч. 1. – Ст. 624–647.

18. Сагиндыков А. Н. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе источников русского права: понятие и теоретические вопросы классификации в «форме права», соотношение с «источниками права» // *Инновационная наука*. 2016. № 12–2. С. 185–191.
19. Кручинин В. Н. Понятие закона в России и формы его закрепления в начале XVIII века // *Научно-исследовательские публикации*. 2016. № 4. С. 109–120.
20. Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
21. Румянцев М. Ф. Определение понятия «закон» в условиях самодержавия: историографический аспект // *Государственные институты России: прошлое и настоящее: материалы межвуз. конф. памяти Е. П. Ерошкина*. М., 1996. С. 11–13.
22. Никитина Е. Е. Устав области (края) как источник конституционного права // *Журнал российского права*. 1997. № 11. С. 60–69.
23. Личичан О. П. Конституции (уставы) в структуре нормативно-правовых систем субъектов Российской Федерации // *Сибирский юридический вестник*. 2012. № 2. С. 44–54.

Статья поступила в редакцию 20.03.2021; принята к публикации 22.04.2021

Сведения об авторе

Мамкина Инна Николаевна, доктор исторических наук, доцент; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30; e-mail: inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Библиографическое описание статьи

Мамкина И. Н. Формы правовых узаконений в Российской империи // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 3. С. 34–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-34-43.

References

1. Speransky, M. M. Guide to the knowledge of laws. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1845. (In Rus.)
2. Speransky, M. M. Preface. Complete collection of laws of the Russian Empire. Saint Petersburg, 1830. V. 1: 1–31. (In Rus.)
3. Speransky, M. M. Historical review of the Commission for Drafting Laws. *Russian antiquity*, no. 2, pp. 434–441, 1876. (In Rus.)
4. Gradovsky, A. D. The beginning of Russian state law. Spb: tip. M. M. Stasyulevicha, 1887. (In Rus.)
5. Korkunov, N. M. Decree and law. Spb: tip. M. M. Stasyulevicha, 1894. (In Rus.)
6. Shershenevich, G. P. General doctrine of law and the State. M: Tip. I. D. Sytina, 1908. (In Rus.)
7. Tomsinov, V. A. Systematization of Russian legislation in the second half of the 1820s – early 1830s. *Moscow University Bulletin*, no. 4, pp. 38–76, 2008. (In Rus.)
8. Tomsinov, V. A. Systematization of Russian legislation in the first quarter of the XIX century. *Moscow University Bulletin*, no. 3, pp. 14–48, 2008. (In Rus.)
9. Kodan, S. V. Formation of the system of legislation of the Russian Empire (XIX – early XX centuries). *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, no. 1, pp. 60–71, 2011. (In Rus.)
10. Kodan, S. V. Development of the system of Russian law: foundations and the process of creating a legal structure to build a normative material (IX–XVII century). *Legal technique*, no. 7–2, pp. 297–308, 2013. (In Rus.)
11. Kodan, S. V. M. M. Speransky and the formation of the theoretical foundations of the legal machinery of the systematization of the legislation of Russia (1820–1830s). *Legal technique*, no. 6, pp. 223–233, 2012. (In Rus.)
12. Yurtaeva, E. A. To understanding the law in pre-revolutionary Russia. *Journal of Russian law*, no. 9, pp. 83–98, 2010. (In Rus.)
13. Efremova, N. N. The concept and types of sources (forms) of Russian law in the XVIII – first third of the XIX century (before the complete systematization of legislation). *Legal Science*, no. 4, pp. 15–20, 2016. (In Rus.)
14. Verkholtantseva, T. Yu. Forms of normative-legal documents of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries: on the basis of the analysis of requests of the Center for Legal Information of the Russian State Library. *Rumyantsev readings: materials of the international. scientific conf. M: Pashkov dom, 2007: 51–57*. (In Rus.)
15. Zabelina, D. V. Charter in Russian law (historical essay). *Law and modern states*, no. 5, pp. 7–13, 2013. (In Rus.)
16. Verstov, V. V. Edicts in the legal system of Russia: history and modernity. *Human. Community. Control*, no. 3, pp. 11–34, 2007. (In Rus.)

17. Sagindykov, A. N. Manifestos as legislative acts of the XVII–XIX centuries in the system of Russian law: the concept and multipliers in the “form of law”. Legal state: theory and practice, no. 1, pp. 66–74, 2017. (In Rus.)

18. Sagindykov, A. N. Manifestos as legislative acts of the XVII–XIX centuries in the system of sources of Russian law: the concept and theoretical issues of classification in the “form of law” correlation with “sources of law”. Innovative Science, no. 12–2, pp. 185–191, 2016. (In Rus.)

19. Kruchinin, V. N. The concept of the law in Russia and the forms of its consolidation at the beginning of the XVIII century. Research publications, no. 4, pp. 109–120, 2016. (In Rus.)

20. Korkunov, N. M. Decree and law. Saint Petersburg, 1894. (In Rus.)

21. Rumyantsev, M. F. Definition of the concept of “law” in the conditions of autocracy: historiographical aspect. State in-you of Russia: past and present: materials of interuniversity. conf. in memory of E. P. Eroshkina. M., 1996: 11–13 (In Rus.)

22. Nikitina, E. E. Charter of the region (edge) as a source of constitutional law. Journal of Russian Law, no. 11, pp. 60–69, 1997. (In Rus.)

23. Lichichan, O. P. Constitutions (charters) in the structure of normative-legal systems of the subjects of the Russian Federation. Siberian legal bulletin, no. 3, pp. 44–54, 2012. (In Rus.)

Received: March 20, 2021; accepted for publication April 22, 2021

Information about author

Mamkina Inna N., Doctor of History, Associate Professor; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Reference to the article

Mamkina I. N. Forms of Legitimization in the Russian Empire // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 34–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-34-43.
